

U $\frac{152}{122}$

U 159
199

Проф.-прот. Е. П. АКВИЛОНОВЪ.

**О недозволительности служенія православнымъ
духовенствомъ панихидъ въ храмахъ по усоп-
шихъ иновѣрцахъ-христіанахъ.**

(Отвѣтъ троицѣ оппонентамъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.
1906.

И 159
—
122

2007041633

О недозволительности служенія православнымъ духовенствомъ панихидъ въ храмахъ по усопшихъ ино-вѣрцахъ-христіанахъ

(Отвѣтъ троимъ оппонентамъ).

НАПЕЧАТАННАЯ мною въ прошломъ году по вышеозначенному вопросу статья (см. «Церк. Вѣстн.» за 1905 г., № 35) удостоилась трехъ возраженій со стороны лицъ не связанныхъ между собой ни общественнымъ положеніемъ, ни—отчасти—воспитаніемъ, за то тѣсно объединенныхъ солидарностью своихъ, направленныхъ противъ высказанныхъ мною мыслей, взглядовъ—не въ мѣру широкихъ, повидимому, гуманныхъ и, во всякомъ случаѣ, дышащихъ высокою толерантно-стью. Глубоко заинтересованный вопросомъ о церковныхъ панихидахъ по ино-вѣрцахъ, точнѣе,—о томъ: дозволительно, или нельзя православно-русскому духовенству служить въ православныхъ храмахъ панихиды по христіанахъ-ино-вѣрцахъ, а еще болѣе *принципіальной* стороной дѣла—объ отношеніи между церковнымъ канонемъ и христіанскою нравственностью (эта сторона дѣла, по смыслу текущей полемики, выдвинута моими оппонентами), я очень внимательно прочиталъ всѣ три, направленные противъ меня, статьи, нѣсколько разъ перечиталъ ихъ и, въ концѣ концовъ, только еще болѣе утвердился въ правотѣ своихъ сужденій.

Tres faciunt collegium, но это коллегіумъ (иначе не могу выразиться)—*iniquitatis*. Моимъ главнымъ возражателемъ выступаетъ проф. В. А. Соколовъ (см. его обширную статью: «Можно ли и должно ли намъ молиться въ церкви за усоп-

шихъ инославныхъ» въ «Богосл. Вѣстн.» за 1906 г., январь, стр. 1—32), за которымъ, по нисходящей степени, слѣдуютъ: священникъ о. Антонъ Гриневичъ (его статья: «Панихиды надъ иновѣрцами» помѣщена въ «Вѣстникъ Военнаго Духовенства», 1905 г., № 23) и генераль-маіоръ П. Малыхинъ (напечаталъ статью: «Панихиды надъ иновѣрцами» въ томъ же «Вѣстникъ» за 1906 г., № 2). Въ корню литературнаго воза находится достопочтенный проф. В. А. Соколовъ, къ которому пристегнуты съ боковъ священникъ и генераль. Первый — тяжело вооруженный оплитъ, а тѣ — бѣгутъ на полемическихъ рысяхъ. Такимъ образомъ, самая группировка тройственнаго союза обязываетъ меня считаться, прежде всего, съ его лидеромъ. Что-жъ касается о. Гриневича и генераль-маіора Малыхина, то ихъ возраженія противъ моихъ сужденій почти всѣ предусмотрѣны статьёй проф. В. А. Соколова и развѣ только въ немногихъ случаяхъ требуютъ особаго опроверженія.

Прежде чѣмъ разсматривать многочисленныя библейскія, церковно-историческія и каноническія, литургическія и умозрительныя данныя, на которыхъ проф. В. А. Соколовъ основываетъ направленныя противъ моей статьи возраженія и свои чисто умственные соображенія, насущными интересами дѣла требуется *принципіально разсмотрѣть самый генезисъ* положительнаго рѣшенія вопроса въ статьѣ моего достоуважаемаго оппонента, послѣ чего будетъ легко опредѣлить относительную цѣнность какъ его возраженій, такъ и довольно громоздкой, служащей ихъ опорой, научной аргументаціи.

Существенная ошибка автора, по моему мнѣнію, состоитъ въ проходящемъ красной нитью черезъ всю его статью забвеніи о той сторонѣ понятія церкви, по которой послѣдняя не есть только «общество» вѣрующихъ, но вмѣстѣ и (для рельефности выразимся по-латыни) *societas externarum rerum, порядковъ и установленій*, безъ строгаго соблюденія которыхъ не можетъ правильно жить и преуспѣвать никакое человѣческое общество. Если бы мой возражатель состоялъ профессоромъ въ одномъ изъ протестантскихъ университетовъ, то, какъ сынъ своей религіозной общины, учащей о такъ пазываемой «невидимой церкви», естественно, не дорожилъ бы каноническими нормами, опредѣляющими внѣшній укладъ церковной жизни. Наоборотъ, онѣ не могутъ не представляться дорогими съ точки зрѣнія принадлежащихъ къ православной церкви, *видящихъ*

въ канонахъ практическія слѣдствія, примѣненія и подтвержденія церковнаго вѣро-и нравоученія.

Въ настоящемъ случаѣ я считаю полезнымъ, для поясненія высказанной мысли, сдѣлать небольшой экскурсъ въ область протестантскаго церковнаго права, типичнѣйшимъ представителемъ котораго является выдающійся лейпцигскій профессоръ *Рудольфъ Зомъ*, особенно въ ученомъ примѣчаніи къ своему «Kirchenrecht» (Dr. Rudolph Sohm, s. die Vorrede zu sein. K.—R., Leipzig, 1892, als ein Bestandtheil [8. Abtheilung] des «Systematischen Handbuchs der deutschen Rechtswissenschaft», herausgegeben unter Mitwirkung einer Anzahl Rechtsgelehrten von dem Professor der Universität Leipzig Dr. Karl Binding). Наименованіе «церковь», по мнѣнію упомянутого ученаго, «не выражаетъ никакой опредѣленной эмпирической величины, *никакого соціального понятія*, но исключительно—догматическое сужденіе цѣнности (Werthurtheil). Поэтому, она (церковь) не допускаетъ правовой организаціи. Почерпнутое изъ слова Божія, истинно-апостольское ученіе объ устроеніи церкви таково, что *организація христіанства есть не правовая, а харисматическая организація*». «Дѣйственность» послѣдней обусловливается «свободнымъ признаніемъ (Anerkennung), могущимъ родиться только изъ любви. Посему, здѣсь нѣтъ рѣчи о какомъ-либо правовомъ долгѣ (Rechtspflicht), но высочайшимъ (дѣломъ) является любовь. Простекающее изъ харисмы послушаніе, подчиненіе церкви, по настоящему свидѣтельству ап. Павла, есть долгъ любви, а не права» (см. объ этомъ въ «Kirche und Kirchenrecht. Eine Kritik moderner theologischer und juristischer Ansichten». Von Ludwig Bendix. Mainz, 1895, S. 117—118).

Какъ легко видѣть изъ приведенной выдержки нѣмецкаго профессора, съ его точки зрѣнія, церковные каноны являются своего рода *la quantité négligible*, и это, согласно протестантскаго ученія о невидимой церкви, совершенно понятно и неизбѣжно: «аще премѣнить еѳіоплянинъ кожу свою, и рысь пестроты своя?» (Іер. XIII, 23). Понятна и неизбѣжна усиливающаяся, особенно за послѣднее время, модная тенденція—сколько можно, умалить значеніе церкви, какъ общественной организаціи, и, въ связи съ этимъ, вытравить изъ христіанской религіи несомнѣнно принадлежащій ей соціальный характеръ, посредствомъ насильственнаго втискиванія всей сотериологіи въ узкія рамки отношенія «индивидуальнаго человѣка» къ Богу:

«Religion ist Privatsache»—вотъ, крылатое выраженіе все болѣе и болѣе развивающагося теперь религіознаго индивидуализма. Дальнѣйшимъ логическимъ выводомъ изъ послѣдняго является неправильная мысль о мнимомъ противорѣчии между церковными канонами и нравственнымъ чувствомъ (любовью), съ одной стороны, и подозрительное отношеніе къ защитникамъ противоположнаго взгляда, съ другой, въ словахъ которыхъ противникамъ «слышится какая-то необыкновенная черствость, какая-то щепетильно-самолюбивая забота о томъ, какъ бы (разумѣется ближайшій предметъ нашего спора) не оказать излишнюю услугу и не явиться съ нею навязчивымъ и непрощенымъ; въ нихъ совсѣмъ забыто то, что, несмотря на разность исповѣданій, мы всѣ—христиане, а потому, любя ближнихъ своихъ, обязаны оказывать имъ всякую возможную помощь» («Бог. Вѣстн.», стр. 24). Склонившись въ извѣстную сторону при рѣшеніи вопроса о недозволительности служенія православнымъ духовенствомъ въ храмахъ паннихидъ по иновѣрцахъ (римско-католикахъ и протестантахъ), я заранѣе обрекъ себя на всевозможные упреки, изъ которыхъ собственно и выдѣлана пестрая ткань возраженій моихъ оппонентовъ, терпящихъ «гладь крѣпокъ» насчетъ принципиально-научной обоснованности послѣднихъ и своихъ, противоположнымъ моимъ, взглядовъ. Но еще давно нѣкто нѣгдѣ сказалъ мудрыя слова: «не заключаемъ мира во вредъ ученію истины, уступая что-нибудь ради славы именоваться снисходительными» (Гр. Бог., Слово 42. См. Творен. въ рус. пер., М. 1844. Ч. IV, стр. 36).

Совершенно частный вопросъ (иному могущій показаться, даже, очень мало важнымъ) о паннихидахъ по иновѣрцахъ, въ концѣ концовъ, апеллируетъ къ принципиальному—о *взаимоотношеніи между нравственною и правовою областями*. Въ сущности, это есть вопросъ о связи между идеальнымъ нравственнымъ сознаниемъ и дѣйствительною жизнью; отъ положительнаго пониманія этой связи зависитъ жизненность и плодотворность самого нравственнаго сознанія. Между идеальнымъ добромъ и злою дѣйствительностью пролегаетъ промежуточная область права и закона, служащая воплощенію добра, ограниченію и исправленію зла. Правомъ и воплощеніемъ его (въ церкви, въ государствѣ и др. обществахъ) обусловлена дѣйствительная организациа нравственной жизни въ цѣломъ чловѣчествѣ, и при отрицательномъ отношеніи къ праву, какъ такому, нравственная проповѣдь, лишенная объективныхъ по-

средствъ и опоръ въ чуждой ей реальной средѣ, осталась бы въ лучшемъ случаѣ только невиннымъ пустословіемъ, а само право, съ другой стороны, при полномъ отдѣленіи своихъ формальныхъ понятій и учреждений отъ ихъ нравственныхъ принциповъ и цѣлей, потеряло бы свое безусловное основаніе и въ сущности ничѣмъ ужъ болѣе не отличалось бы отъ произвола. Для вполне послѣдовательнаго разобщенія между правомъ и нравственностью слѣдовало бы отказаться даже отъ самого слова человѣческаго, на всѣхъ языкахъ непреложно свидѣтельствующаго *о коренной внутренней связи этихъ двухъ идей*. Понятіе права и соотносительное съ нимъ понятіе обязанности настолько глубоко входятъ въ область нравственныхъ идей, что прямо могутъ служить для ихъ выраженія. Всякому понятны такія этическія утвержденія: я сознаю свою «обязанность» воздерживаться отъ всего постыднаго, или, что тоже, признаю за человѣческимъ достоинствомъ «право» на мое уваженіе; я «обязанъ» согласовать свою волю съ тѣмъ, что считаю безусловно высшимъ, или, другими словами, послѣднее имѣть «право» на религіозное отношеніе съ моей стороны (на чемъ первоначально и основано всякое богочитаніе). Нѣтъ такого нравственнаго отношенія, которое не могло бы правильно выразиться въ правовыхъ терминахъ. Что можетъ быть дальше, повидимому, отъ всего юридическаго, какъ любовь къ врагамъ? И, однако, если высшій нравственный законъ обязываетъ меня любить враговъ, то ясно, что мои враги имѣютъ право на мою любовь. Отказывая имъ въ любви, я поступаю несправедливо, нарушаю правду. Вотъ терминъ, въ которомъ одномъ воплощается существенное единство юридическаго и нравственнаго началъ, ибо что такое право, какъ не выраженіе правды? Тутъ дѣло идетъ не о случайной одинаковости терминовъ, но о существенной однородности и внутренней связи самыхъ понятій (См. о взаимоотношеніи между нравственностью и правомъ въ «Оправданіи добра» у Вл. С. Соловьева, Полн. собр. соч., т. VII, стр. 379—380).

II.

Недоумѣвающимъ надъ цѣлесообразностью вышеизложеннаго разсужденія и его отношенія къ ближайшему предмету полемики дѣло объяснится изъ дальнѣйшаго. А пока, даже, и самый невзыскательный читатель, надѣюсь, пойметъ, что «за-

преть церкви» насчетъ служенія православнымъ духовенствомъ въ храмѣ панихидъ по усопшихъ иновѣрцахъ-христіанахъ отнюдь не представляетъ собою «какого-то непонятнаго противорѣчія духу и основнымъ требованіямъ христіанства» («Бог. Вѣстн.», стр. 3), и что совершенно напрасно «люди дѣла» боятся довѣряться «логикѣ» и взглянуть на него съ «принципальной стороны»; что, поднявъ «вопросъ о ratio legis» («Вѣстн. Воен. Дух.» № 23, стр. 717), эти «люди» нравственно обязаны были дать себѣ трудъ хоть мало подумать надъ искомымъ ratio, и такъ какъ, по переводу на греческій языкъ, ratio обозначается терминомъ „*λόγος*“, отъ котораго происходитъ и наша логика, то не слѣдовало «тамо убояться страха, идѣже не бѣ страхъ» и лучше бы не выдумывать странную небылицу о «подрывѣ религіознаго чувства какими-то (?) каноническими правилами» (тамъ же, № 2, стр. 43). Сейчасъ я постараюсь на конкретныхъ примѣрахъ, притомъ, взятыхъ у моихъ единокорныхъ возражателей, показать, что вся въ сложности ихъ полемическая арматура, не опровергая ни одного изъ моихъ тезисовъ, какъ нельзя лучше направляется противъ самихъ же возражателей, не оставляя камня на камнѣ отъ ихъ разсужденій и свидѣтельствуя съ неотразимой убѣдительностью о томъ, что, если «вселенская церковь никогда не придавала всѣмъ своимъ каноническимъ и дисциплинарнымъ постановленіямъ (кто жъ говорить о «всѣхъ»?) того же характера безусловной обязательности и неизмѣнности на всѣ времена, какой приписывала вѣроопредѣленіямъ догматическимъ», то отсюда еще не слѣдуетъ, что и запрещеніе православному духовенству служить панихиды въ храмахъ по усопшихъ иновѣрцахъ—христіанахъ относится къ разряду постановленій безъ достаточнаго ratio. Поставивъ роковой «вопросъ о ratio legis» и отвѣтивъ на него отрицательно, утверждая, что церковный канонъ съ относящимися къ нему толкованіями «не опирается на ученіе св. писанія», второй мой оппонентъ, священникъ о. Антонъ (почему не Антоній?) Грипевичъ, очевидно, самъ считаетъ себя вмѣщающимъ искомое ratio. Что жъ? Дай Богъ каждому дружить съ логикой; но только боюсь, какъ бы названный возражатель не оказался въ числѣ «западнаго сословія любомудрцевъ», выражаясь словами св. Димитрія Ростовскаго («Алфавитъ дух.», М. 1903, гл. 2, стр. 24).

Профессоръ В. А. Соколовъ въ преизобильномъ изліяніи своихъ данныхъ въ пользу положительнаго отвѣта на вопросъ

о томъ: «можно ли и должно ли намъ молиться въ церкви за усопшихъ инославныхъ» (заглавіе статьи проф. В. А. С—ва), не поставилъ себѣ въ трудъ разграничить двѣ совершенно особыхъ области, отъ смѣшенія которыхъ получился у него неправильный отвѣтъ. А что эти области разграничивать необходимо,—это съ принудительною очевидностью бросается въ глаза каждому, хотя сколько нибудь внимательному читателю слова Божія и свято-отеческихъ твореній. Какъ земная жизнь представляетъ собой предварительное поприще для приуготовленія вѣрующихъ къ небесному отечеству, такъ и эти послѣдніе, пока пребываютъ на землѣ, являются только «странниками» (не въ идеальномъ своемъ предназначеніи, о которомъ говорится въ Еф. II, 19, а въ реальной дѣйствительности) и «пришельцами», изъ которыхъ одни идутъ спасительнымъ, а другіе—погибельнымъ путями; но тѣ и другіе служатъ до могилы непремѣнными объектами молитвенно-благодатнаго воздѣйствія единой спасающей церкви Божіей. И къ православнымъ, и къ инославнымъ св. церковь простираетъ свои спасительныя руки, по слову апостола: «всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу» (1 Кор. IX, 22). Но другое дѣло смерть, отзывающая всѣхъ въ тотъ міръ, въ которомъ мѣсто не покаянію, а мздовоздаянію (Мф. XXV, 1—12; Лк. XIII, 24—25; 2 Кор. VI, 2—4; Гал. VI, 10): «по отшествіи изъ сей жизни», читаемъ у св. Василія Великаго (см. его «Нравств. прав.», гл. 5, рус. пер. М. 1846, Творен., ч. III, стр. 361), «нѣтъ уже времени для добрыхъ дѣлъ». «Послѣ отшествія отсюда», поучаетъ св. І. Златоустъ, «уже невозможно найти ни прощенія, ни оправданія, ни врачевства противъ того, что сдѣлано» («Творен.» въ рус. пер. Спб. 1895; т. I, кн. 1, стр. 562). Ведущая всѣхъ людей ко спасенію, церковь, естественно, всѣхъ же призываетъ и къ покаянію, пока они находятся въ земномъ странствованіи, не смѣшивая между собой «вѣрныхъ» съ «невѣрными» и не удостоивая послѣднихъ особаго, въ покаянныхъ цѣляхъ установленнаго, таинства, но молитвенно предстательствуетъ за таковыхъ, да управитъ ихъ самъ Богъ, ими же вѣсть путями, во спасеніе. Съ этой точки зрѣнія для меня, по крайней мѣрѣ, совершенно понятны смыслъ и значеніе церковнаго моленія за *живыхъ* иновѣрцевъ: церковь молится о томъ, чтобы Господь обратилъ ихъ на правый путь. Истинность такого взгляда свидѣтельствуется тѣми самыми апостольскими словами, которыми (и, какъ увидимъ,) совершенно тщетно

мои оппоненты стараются подкрѣпить свое утверженіе насчетъ позволительности разбираемаго паннихидослуженія. «Итакъ», пишетъ апостоль, «прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины» (1 Тим. II, 1—4). Ясно, что апостоль просить молитвъ 1) *о живыхъ*, а не о почившихъ иновѣрцахъ (языческихъ царяхъ, властяхъ и такихъ же «человѣкахъ»); 2) *цѣль* молитвъ—*«тихое и безмятежное житіе»*, «спасеніе» заблуждающихся и «познаніе» ими «истины»; 3) *временной предѣль* такихъ молитвъ—*земная жизнь* перечисленныхъ лицъ, ибо, по отшествіи изъ нея, «начальствующіе» уже перестанутъ быть таковыми, а о достиженіи познанія истины всѣми, стоящими внѣ церкви, «человѣками» промыслить Самъ Богъ, какими Ему вѣдомо путями. Подобнымъ же образомъ, въ найденномъ, по распоряженію царя Дарія, «свиткѣ» царя Кира персидскаго содержится (составленное, по многимъ признакамъ, не безъ вліянія іудейскихъ старѣйшинъ) «повелѣніе» о «пріятныхъ небесному Богу жертвахъ» и «молитвахъ *о жизни* царя и сыновей его» (1 Ездр. VI, 1—10).—Въ своемъ «Посланіи къ Смирнянамъ» (гл. 4) св. Игнатій Богоносецъ твердо стоитъ на почвѣ апостольскаго ученія о смыслѣ и цѣли молитвъ вѣрныхъ за невѣрныхъ: «предохраняю васъ отъ звѣрей въ человѣческомъ образѣ, которыхъ вамъ не только не должно принимать къ себѣ, но, если возможно, и не встрѣчаться съ ними, а только молиться за нихъ,—*не раскаются ли* они какъ-нибудь». Въ 3-ей бесѣдѣ на посланіе къ Филиппійцамъ св. І. Златоустъ (см. его «Творен.» въ рус. пер., СПб. 1905, т. XI, кн. 1, стр. 248) пишетъ слѣдующее: «не напрасно установили апостолы, чтобы при совершеніи страшныхъ таинъ поминать усопшихъ: они знали, что отъ этого много имъ пользы. Когда весь народъ и священный ликъ стоитъ съ воздѣяніемъ рукъ, и когда предлежитъ страшная жертва, то какъ не умолимъ Бога, прося за нихъ? Но это говоримъ о тѣхъ, *которые скончались въ вѣрѣ*; а оглашенные не удостоиваются этого утѣшенія, но лишены всякой такой помощи, кромѣ одной. Какой же, именно? За нихъ можно подавать бѣднымъ (на что и было мной указано въ свое время); это доставляетъ имъ нѣкоторую отраду,

потому, что Богу угодно, чтобы мы помогали другъ другу. Иначе для чего бы Онъ повелѣлъ молиться о мирѣ и благосостояніи міра? Для чего бы—о всѣхъ людяхъ? Хотя здѣсь между всѣми есть и разбойники, и гробоконатели, и воры и исполненные безчисленныхъ пороковъ, однакожъ, мы молимся за всѣхъ: быть можетъ, это послужить сколько-нибудь *къ ихъ обращенію*. Итакъ, слово Божіе и свв. отцы (свидѣтельство которыхъ нѣтъ нужды увеличивать) *не за, а противъ* моихъ возражателей. Вопреки мнѣнія о. Гриневича, могу, кажется, справедливо утверждать, что, призывая вѣрныхъ молиться за всѣхъ живыхъ, хотя бы и разновѣрцахъ, св. писаніе тѣмъ самымъ (по «логическому» доказательству отъ противнаго) исключаетъ дозволенность церковныхъ молитвъ за усопшихъ иновѣрцевъ-христіанъ и нигдѣ не говоритъ о такихъ молитвахъ, потому что для послѣднихъ рѣшительно не имѣется никакого «ratio legis».

Многочисленные литургійныя ссылки проф. В. А. Соколова также и ровно ни на одну іоту не воспособляютъ его положенію. Въ литургіи, изложенной въ «Апостольскихъ Постановленіяхъ», въ литургіи св. ап. Марка, св. ап. Іакова, въ литургіи греческой, въ коптской и сирской и др. ясно и точно упоминается о моленіи только за живыхъ иновѣрцевъ съ указанной (см. выше) у апостола Павла цѣлью. Такъ, напримѣръ, въ литургіи Постановленій Апостольскихъ читаемъ: «*о ионащихъ насъ за имя Господне помолимся, что бы Господь, укротивъ ярость ихъ, разспялъ инъвъ ихъ противъ насъ*» (см. «Собран. др. лит.» Спб. 1874, вып. I, стр. 109). «*О внѣшнихъ и заблуждшихъ помолимся, чтобъ Господь обратилъ ихъ*» (тамъ же). «*О царяхъ и правительствующихъ помолимся, чтобы мирно было положеніе наше, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ*» (тамъ же, стр. 132). Чтобъ не повторяться въ свидѣтельствахъ, я отсылаю за ними читателя къ статьѣ моего уважаемаго оппонента, проф. В. А. Соколова («Бог. Вѣстн.», стр. 16 — 17), добросовѣстно потрудившагося надъ собираніемъ цѣннаго для меня, именно, матеріала. Теперь я могу съ полнымъ правомъ утверждать крайнюю неосновательность сдѣланнаго изъ приведенныхъ посылокъ главнымъ и побочными моими оппонентами вывода о дозволенности служенія паннихидъ по иновѣрцахъ.

«Итакъ», заключаетъ проф. В. А. Соколовъ, «тѣмъ церковнымъ правиламъ, которыя запрещали вѣрующимъ молит-

венное общеніе съ еретиками и отщепенцами, древне-вселенская церковь, очевидно, отнюдь не придавала того смысла, что будто бы тѣмъ самымъ запрещается и молитва за этихъ заблуждающихся, и потому особенно нуждающихся въ молитвѣ, людей. Въ виду такой древне-вселенской церковной практики, представляются вполне понятными и законными тѣ случаи, когда и современная православная церковь позволяетъ чадамъ своимъ общественную молитву не только за лицъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, но даже и другой религій. Во всѣхъ, напр., храмахъ православнаго королевства румынскаго, православнаго княжества болгарскаго и православнаго королевства греческаго непрестанно возносятся молитвы за короля Карла, князя Фердинанда и короля Георга, хотя эти государи принадлежатъ къ вѣроисповѣданіямъ римско-католическому и протестантскому. Въ патриархатахъ востока, области которыхъ находятся подъ властію султана турецкаго, православная церковь молится даже за мусульманина Абдуль-Гамида. Въ русскихъ церквахъ нашихъ заграничныхъ посольствъ и миссій молитвенно поминаютъ за богослуженіемъ мѣстныхъ иностранныхъ государей, какъ въ Берлинѣ, напр., обладателя страны сей императора Вильгельма» (въ приводимыхъ выдержкахъ я держусь орфографіи подлинниковъ. См. «Бог. Вѣстн.», стр. 17—18).

Внутренняя и располагающая, повидимому, въ пользу утверждаемаго проф. В. А. Соколовымъ положенія, приведенная справка свидѣтельствуетъ рѣшительно противъ послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, и Карлъ, и Георгъ, и Вильгельмъ, и Абдуль-Гамидъ, вѣдь, всѣ эти монархи, по милости Божіей, пока еще *здравствуютъ*? Что же удивительнаго въ томъ, что православныя церкви властвуемыхъ названными повелителями державъ, по вышеприведенному смыслу апостольскаго «прошенія» и согласныхъ съ нимъ св.-отеческихъ писаній, «творятъ молитвы... за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть»? Наоборотъ, было бы поразительнымъ, когда бы, напримѣръ, въ увлеченіи теперешнимъ антимонархическимъ шатаніемъ умовъ, служители алтаря перестали совершать такія моленія. Но, спрашиваю, какое отношеніе имѣетъ сдѣланная справка къ непосредственному предмету полемики — о позволительности служенія паннихидъ по иновѣрцахъ? Справка непрерываемо говорить только о томъ, что и теперь православная церковь, какъ и во время оно, молится о здравіи и спасеніи царствующи-

щихъ особъ, къ какой бы вѣрѣ ни принадлежали онѣ, это во-первыхъ; а во-вторыхъ, наведемъ справку отъ себя, — это будетъ относиться ближе къ дѣлу, — блаженнѣйшій патріархъ Константинопольскій Григорій VI (1835—1840 и 1867—1871), по просьбѣ Кентерберійскаго архіепископа, особой грамотой, отъ 20 октября 1869 г., *дозволилъ* (и только!) православному духовенству, *если не было клириковъ инославныхъ*, и если просили родственники умершаго (два ограниченія), сопровождать похоронную процессію (съ тѣломъ инославнаго христіанина), пѣть трисвятое и 118 псаломъ, читать апостоль и евангеліе; а гдѣ было инославное духовенство, православное не должно было участвовать въ отпѣваніи умершихъ (дозволеніе снято!) (*Καλλιφρων*, A', V, 176; *Σταυρίδης*, 16—17. См. «Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ», проф. И. И. Соколова. Спб. 1904, т. I, стр. 625), и, въ-третьихъ, Св. Синодъ обсуждалъ въ послѣдній разъ вопросъ о позволительности служенія разсматриваемыхъ паннихидъ не отъ 10—15 марта 1847 года, какъ думаетъ проф. В. А. Соколовъ («Бог. Вѣстн.», стр. 7), но въ 1904 г. (число и мѣсяць мнѣ неизвѣстны), и дозволилъ «православнымъ священникамъ, не совершая по усопшему воинскому чину (вопросъ, разумѣется, не въ чинахъ) инославнаго исповѣданія поминовенія въ церкви, отправлять по немъ паннихиды въ частныхъ домахъ и въ помѣщеніяхъ, принадлежащихъ военному вѣдомству». Постановленіе Св. Синода, какъ видно, вполне согласно съ вышеупомянутой грамотой вселенскаго патріарха, — согласно не по недомыслию, не по оскудѣнію «ratio legis», не вслѣдствіе «какой-то необыкновенной черствости», не изъ-за желанія «оскорбить чувства православнаго человѣка» (послѣдняя жалоба высказана г. генераль-майоромъ), а въ силу неодолимой *логики церковно-религіозной жизни*, богослужебной практики и священныхъ канонѣвъ, нисколько не трепещущихъ «испытующей мысли современнаго человѣка», хотя бы въ лицѣ о. Гриневича, который «не затрудняется подвергнуть безошадной критикѣ» дѣйствующее церковное постановленіе, но за то не берется «предсказать, каковъ будетъ результатъ этой критики» («Вѣстн. Воен. Духов.», стр. 719). Что постановить по разсматриваемому предмету всероссійскій церковный соборъ, — это дѣло его и будущее, а отъ себя отвѣчу о. Гриневичу — теперь уже поздно «предсказывать», — что «лживи сынове человѣчестіи въ мѣрилѣхъ еже неправдовати» (Пс. LXI, 10). Не плодить разности въ церковной практикѣ съ

своей alma mater— константинопольской церковью должна все-россійская церковь, а уменьшеніемъ и безъ того довольнаго числа ихъ «взыскать мира и пожать его», а что касается константинопольскаго патріарха, то, то поминающей доселѣ здравствующаго Абдуль-Гамида, едва ли станетъ служить паннихиду, да еще въ своей церкви, по смерти того же султана, и, въ крайнемъ случаѣ, предоставитъ эту почетную потребу такимъ добровольцамъ, какъ о. Гриневичъ, и его единомышленникамъ...

Довольно занимательное балансированье проф. В. А. Соколова съ предлогами *за* и *съ* свидѣтельствуется, безспорно, о недюжинныхъ діалектическихъ способностяхъ моего досточтимаго оппонента, за то представляетъ собой только забавный логическій фокусъ, а отнюдь не убѣдительный аргументъ въ пользу защищаемаго возражателемъ положенія. Проф. В. А. Соколовъ изъ церковнаго запрещенія молиться «съ» еретиками никакъ не можетъ понять смысла запрещенія церковной молитвы «за» еретиковъ, хотя, даже, и въ обыденной жизни встрѣчаются многочисленные случаи, когда возникаетъ непріязнь между *съ* и *за*. Такъ, наприм., изъ того, что наставникъ занимается «съ» учениками, никакъ не слѣдуетъ, что онъ обязанъ трудиться и «за» нихъ; терніе растеть «съ» пшеницей, однако, не можетъ считаться «за» нее и т. д. Не въ томъ, впрочемъ, «суть» дѣла: она кроется въ указанномъ мною выше неправильномъ взглядѣ моего возражателя на самое содержаніе церковныхъ молитвословій за иновѣрныхъ и, притомъ, живыхъ, и такъ же въ невѣрномъ опредѣленіи временныхъ границъ такихъ моленій, да кромѣ того еще и въ другомъ, по моему мнѣнію, очень важномъ недосмотрѣ проф. Соколова по отношенію къ *двумъ видамъ молитвы: частной и церковно-общественной*. Игнорированье второго вида я ставлю въ прямую связь съ недостаточно внимательнымъ отношеніемъ оппонента къ понятію (см. выше) о церкви, какъ объ организованномъ обществѣ вѣрующихъ.

Нагорная проповѣдь Спасителя, приводящая въ восхищеніе, даже, и не принадлежащихъ къ христіанской церкви лицъ, въ смыслѣ неподражаемо-высокаго образца дотолѣ неслыханныхъ религіозныхъ идеаловъ и ученій, нѣсколько послужитъ въ настоящемъ спорѣ къ уясненію разбираемаго предмета. Дѣло въ томъ, что названная прѣповѣдь содержитъ драгоцѣнныя указанія насчетъ преимущественно единоличной религіозной жизни вѣрующаго. Послѣдняя изложена съ исключаяющей всякія пе-

ретолкованія очевидностью. Повторяю, что предметом проповѣди является то, именно, о чемъ теперь такъ много говорятъ: «Religion als Privatsache», за которой не слѣдуетъ только забывать и другую сторону той же религіи, какъ «общественнаго» богослуженія въ широкомъ смыслѣ слова. Остановивъ вниманіе на первой сторонѣ предмета, мои возражатели забыли о послѣдней и—только ко вреду для дѣла. Обращусь къ примѣрамъ.

«Когда творишь милостыню», говоритъ Спаситель (Мѡ. VI, 2—4), «не труби передъ собою, какъ дѣлають лицемѣры въ синагогахъ и на улицахъ, чтобы прославляли ихъ люди. Истинно говорю вамъ: они уже получаютъ награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаеть правая; чтобы милостыня твоя была въ тайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно». Если забыть о вѣрующемъ, какъ о членѣ «общества» такихъ же, какъ и онъ, людей, то, по «буквѣ» Христова ученія, слѣдуетъ зачеркнуть всякую общественную благотворительность, ибо послѣдняя по своей природѣ сплошь и рядомъ сообщаетъ лѣвой рукѣ о дѣлахъ правой. Какъ вы можете подвизаться на поприщѣ общественной благотворительности, не обязуясь состоять въ извѣстномъ разрядѣ членовъ какого-нибудь филантропическаго учрежденія, безъ упоминанія вашего имени въ ежегодныхъ отчетахъ, безъ привлеченія къ этому христіанскому дѣлу помощи ближнимъ другихъ лицъ и т. д.? Изъ этого примѣра уже видно, что слѣдуетъ проводить *ясную* «*межу*» между частнымъ и общественнымъ служеніями Богу и ближнимъ. А что я «провелъ такую межу, которая стоитъ въ противорѣчій съ основами истинно-христіанской церковной жизни», какъ угодно было выразиться проф. В. А. Соколову («Бог. Вѣстн.», стр. 26), — противъ этого будутъ свидѣтельствовать мои дальнѣйшія ссылки на евангеліе.— «Когда молишься, не будь, какъ лицемѣры, которые любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ останавливаясь молиться, чтобы показаться предъ людьми... Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою и, затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему»... (ст. 5—6). Слѣдуетъ ли изъ приведеннаго изреченія выводить заключеніе о недопустимости общественной молитвы, какъ это дѣлають многіе сектанты? Нисколько! Спаситель наставляетъ Своихъ слушателей насчетъ «частной» молитвы, не болѣе, а, главное,—насчетъ существеннаго для ея плодотворности внутренняго настроенія.

Но преподавать наставленіе насчетъ частной молитвы совсѣмъ еще не означаетъ запрета общественной молитвы, о чемъ и свидѣтельствуется цѣлымъ рядомъ примѣровъ, начиная съ евангельскихъ, и продолжая упоминаемыми въ апостольскихъ посланіяхъ, въ св.-отеческихъ твореніяхъ, въ житійныхъ сказаніяхъ и т. д. «Учитель мира и Наставникъ единства не хотѣлъ того, чтобы молитва совершалась въ одиночествѣ и частно, такъ, чтобы каждый молился только за себя», пишетъ св. Кипріанъ е. Карфагенскій (De orat. Dom. f. 141). «У насъ всенародная и общая молитва, и, когда мы молимся, то молимся, не за одного, а за весь народъ, потому что мы, весь народъ, составляемъ одно». Едва ли умственному взору апостоловъ и Самого Господа-Наставника молитвы предносились двѣнадцать камеръ, въ каждой изъ которыхъ находившійся богомолецъ, «затворивъ дверь свою», уединенно читалъ бы семь молитвенныхъ прошеній.—«Не судите, да не судимы будете» (Мѡ. VII, 1). Прилѣпившись къ буквальному смыслу изреченія и обративъ вниманіе только на одну личную, внѣ общества, жизнь человѣка, сколько угодно, можно (и должно) ополчаться противъ общественныхъ судебныхъ учрежденій и, особенно, противъ юридическаго момента въ понятіи о церкви. И, дѣйствительно, вышеупомянутый проф. Зомъ, какъ и нашъ гр. Толстой зашли въ этомъ направленіи такъ далеко, что проф. А. Гарнакъ счелъ нужнымъ правильно замѣтить по этому поводу, что «несправедливо предполагать, будто Иисусъ пренебрежительно отзывался о правѣ, какъ таковомъ, и о правосудіи. Онъ вѣрилъ въ истинное право и былъ увѣренъ въ томъ, что оно осуществится. Такъ сильно былъ Онъ въ этомъ увѣренъ, что не допускалъ, даже, и мысли о томъ, будто право должно прибѣгать къ помощи насилія, чтобы оставаться правомъ» (А. Harnack, Das Wesen des Christentums, Zw. Aufl., Leipz., 1900. S. 70).—«Вы слышали, что сказано древнимъ: не убій. А Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду» (Мѡ. V, 21 — 22). Слѣдуетъ ли отсюда запрещеніе войны? Едва ли, по крайней мѣрѣ, такого запрета не найти на пространствѣ цѣлой библии. Получившій десятословіе непосредственно, такъ сказать, изъ рукъ Самого Іеговы, «кротчайшій» изъ всѣхъ людей, пророкъ Моисей, самъ же и многократно предводительствовалъ надъ соплеменными войсками. Пролившему много крови Давиду возбранено построеніе храма, однако, не запрещена война. І. Креститель призывалъ

воиновъ быть довольными своимъ жалованьемъ и никого не обижать, но не воспользовался благопріятнымъ моментомъ для увѣщанія ихъ къ отреченію отъ военной службы. Спаситель не увѣщаваль къ тому же сотника и заповѣдываль «воздавать кесарево кесарю», — а кому жъ не извѣстно, что изъ всѣхъ государственныхъ бюджетовъ наибольшій—военный?

Для какихъ хотите близорукихъ глазъ приведенными примѣрами, съ ясностью Божьяго дня, свидѣтельствуется о не маломъ *различіи между частной и общественной жизнью* въ много-различныхъ ея выраженіяхъ. Можно было бы набрать такихъ примѣровъ великое множество, чтобы удостовѣриться такъ же и въ той, къ сожалѣнію, почему-то забытой моими возражателями истинѣ, что, несомнѣнно, есть *разница между частной и общественной молитвой*, поскольку, вѣдь, и послѣдняя (надѣюсь, это не требуетъ доказательствъ) представляетъ собою одинъ изъ составныхъ моментовъ истинной жизни, а еще вѣрнѣе—наивысшее ея выраженіе. Поэтому, какъ частный человекъ, я могу, или, если хотите, я долженъ молиться по своему крайнему разумѣнію, «затворивъ клѣть свою»; могу молиться словами, какія только выльются изъ моей наболѣвшей души (см. по этому поводу прекрасное разсужденіе въ «Письм. Митр. Моск. Филарета къ Архим. Антонію», М., 1878, ч. II, стр. 423: «иное дѣло молиться для себя, иное дѣло публиковать ее [молитву] для употребленія другимъ»), — молиться за право-и за ино-вѣрныхъ, за живыхъ и за усопшихъ (да помилуетъ послѣднихъ Господь, «ими же вѣсть судьбами») и пр.; но, въ качествѣ члена православной церкви, какъ опредѣленнымъ образомъ *организованнаго общества* вѣрующихъ, я не могу и не долженъ допускать, даже, и мысли о «непремѣнномъ разрѣшеніи нашей доброй, всепрощающей православной церкви молиться и за всѣхъ тѣхъ (почившихъ), къ кому влечетъ (?) нашу душу» («Вѣстн. Воен. Дух.», стр. 45). Такъ нѣжно разсуждать можетъ только піетистическій мечтатель, воображающій себѣ, будто «это только возвыситъ (??) нашу церковь передъ другими и привлечетъ къ себѣ больше вѣрующихъ (благодаримъ покорно!)» (тамъ же, слова генераль-маіора П. Малыхина). Очень жаль, что сама-то церковь отринула отъ себя столь любезное для нѣкоторыхъ ревнителѣй ея чести средство къ своему возвышенію!

Жалобной мелодіей, такъ единодушно пущенной въ оборотъ тройственнымъ союзомъ моихъ возражателей, думается,

не совсѣмъ удобно терзать всякую душу, ищущую *разумныхъ основаній* для такого или иного рѣшенія спорнаго вопроса. Священникъ о. Гриневичъ собственно съ того и началъ свою крайне запутанную и выдающуюся по примѣрной бездоказательности статью, что набросалъ печальную картину душевныхъ мукъ одной старицы—игуменіи: «тяжело, охъ какъ тяжело мнѣ приходилось на первыхъ порахъ!—вспоминала уважаемая игуменія. Благотворителейъ никакихъ, жили одними подаваніями... Однажды переживали такія критическія минуты, когда экстренно нужно было достать большую сумму—до 500 рублей и (ореографія подлинника) надежды не было положительно никакой. Говорю сестрамъ: идите въ церковь, усердно пойте акаѳистъ Спасителю, Божьей Матери, Св. Николаю, а я поѣду во дворецъ къ графу въ Немирову, не вымолю-ли у него въ займы 500 рублей на одинъ годъ. Графъ Болеславъ Потоцкій, хотя (?) былъ католикъ, но (!) доброй души человекъ (!!) и для своихъ крѣпостныхъ крестьянъ православныхъ много благодѣтельствовалъ... Графъ одолжилъ, безъ всякаго, конечно, (причемъ тутъ «конечно»?) процента, 1500 рублей. Эту сумму монастырь въ срокъ уплатить не могъ. Игуменья поѣхала къ преосвященному въ епархіальный городъ и рассказала все дѣло. Не прошло и двухъ недѣль послѣ этой поѣздки, какъ графъ пригласилъ игуменью къ себѣ, принялъ ее съ большимъ вниманіемъ и при этомъ сказалъ: «вашъ бискупъ написалъ мнѣ ласковое письмо, благодарилъ за услугу монастырю.. Не беспокойтесь о возвратѣ долга: я велѣлъ управляющему списать долгъ со счета. Однако вашъ монастырь, какъ видно, крѣпко нуждается! Пусть будетъ и тамъ личная жертва... примите это отъ меня»... и подалъ ей свертокъ, въ которомъ оказалось 100 червонцевъ“. „Теперь“, пишетъ о. Гриневичъ отъ себя, „позволю себѣ вопросъ. Въ тотъ скорбный день, когда вѣсть о смерти графа-католика дошла до монастыря, не надлежало-ли сестрамъ съ матерью игумень(е?)ю собраться для общей молитвы по почившемъ благотворителѣ иновѣрцѣ? И если онѣ именно это и сдѣлали, то заслуживаютъ ли онѣ осужденіе въ человекѣоугодничествѣ и вообще въ нарушеніи правды“? («Вѣстн. Воен. Дух.», стр 715—716).

Не отрекаясь отъ вышеприведенныхъ основаній, хотя бы они и представлялись «раціоналистическими» для такихъ «людей дѣла», къ числу которыхъ относить самъ себя о. Гриневичъ («Вѣстн. Воен. Дух.», стр. 717—720), и «ушираясь», по вы-

раженію г. генераль-маіора, на церковные («какіе-то!») каноны (тамъ-же, стр. 43) и не страшась неосновательнаго, со стороны проф. В. А. Соколова («Бог. Вѣстн.», стр. 24), упрека «въ какой-то необыкновенной черствости», я твердо помню только одно, что, по словамъ св. Василія Великаго, даже, и «евангельскіе уставы» (а не только каноны) «приводятся *безчиніемъ* въ совершенную слитность» («Творен. св. Вас. В.», рус. пер., М. 1846, ч. III, стр. 354), и потому отвѣчаю: *не слѣдовало служить въ храмъ православному духовенству, по просьбѣ матери-игуменьи съ сестрами, паннихиды по римско-католикъ.* Сродныя между собою нравственность и ц. право не должно отождествлять, не отрекаясь отъ безызвѣстнаго и о. Гриневичу «ума Христова». Не смотря на «большое вниманье» графа къ нуждающейся игуменѣ и на подаренный ей свертокъ съ 100 червонцевъ, *самъ-то* почившій, пока былъ живъ, вѣдь, ни единымъ словомъ не обмолвился насчетъ своего желанія перейти въ православную церковь, и почилъ, какъ «добрый католикъ». Мало того, судя по цитованнымъ строкамъ статьи о. Гриневича, не видно, чтобы паннихида служилась «для утѣшенія» оставшихся въ живыхъ «родственниковъ» усопшаго—мотивъ, дошедшій до насъ, вѣроятно, изъ глубокой древности (*August. Enchirid.*, с. 110 [Migne, P. L. XL, p. 283]: «*pro valde malis etiamsi nulla sunt adjuncta mortuorum, qualescumque vivorum consolationes sunt.*» См. *Die Lehre von der Gemeinschaft der Heiligen im christl. Alterthum*, von I. P. Kirsch. Mainz, 1900, S. 168). Слѣдовательно, мать-игуменья и сестры вздумали сами «утѣшиться» торжественной паннихидой по скончавшемся благодѣлѣ. Ну, ужъ это, конечно, ихъ дѣло! Какихъ только дивныхъ исторій не творится въ женскихъ монастыряхъ, по широкой милости матерей-игуменей, да еще при содѣйствіи такихъ ласкосердыхъ, какъ о. Гриневичъ, іереевъ?! Только мнѣ представляется удивительнымъ со стороны о. Гриневича его (не говорю: сочувствіе, а) стремленіе изо всѣхъ силъ доказать каноническую закономѣрность и необыкновенную разумность такого паннихидослуженія. Разсматриваемая попытка, несомнѣнно, столько же плодотворна, сколько и родственная ей—отыскать философскій камень, добиться квадратуры круга или приготовить жизненный эликсиръ.

Сколько угодно, печалуйтесь и негодуйте на строгость разсматриваемаго канона, какъ хотите, упрекайте въ жестокосердіи составителей его и предлагайте едва ли цѣлесообразные

проекты какихъ то особыхъ церковныхъ поминовеній по инославныхъ христіанахъ («Бог. Вѣстн.», стр. 31), а пока примиритесь съ, быть можетъ, кому либо и нежелательнымъ, но, по моему мнѣнію, вполнѣ *закономѣрнымъ* фактомъ: не должно служить въ нашихъ храмахъ паннихидъ по иновѣрцахъ. Что дѣлать? Такова уже природа церкви, какъ общественнаго учрежденія, ибо гдѣ общество, тамъ непремѣнно и юридическія нормы, безмолвно требующія отъ его членовъ «послушанія», глухія къ воплямъ и неизмѣнныя въ дѣйствованіи, пока не будутъ отмѣнены установившею ихъ церковью. Безъ такихъ канонѣвъ, повторяемъ, какое общество обойтись не можетъ. Пусть они тяжелы, подчасъ, даже, невыносимы, даютъ личные порывы и чувства,—все это не резонъ къ ихъ отмѣнѣ. Становясь членомъ организованнаго общества, каждый обязанъ нѣсколько поступиться своей личной свободой, но только въ виду даруемой обществомъ еще высшей свободы, подобно тому, какъ, становясь «рабами Христовымъ» (1 Кор. VII, 22), мы только въ Немъ обрѣтаемъ свою истинную свободу (Іоан. VIII, 36). Въ одномъ мѣстѣ своей замѣчательной книги «О герояхъ» Карлейль совершенно справедливо замѣчаетъ: «infinite pity, yet also infinite rigour of law: *it is so nature is made*» («On heroes, hero-worship and the heroic in history, by Thomas Carlyle, London, 1904, p. 88»). Логику вѣры не обязательно смѣшивать съ ея психологіей.

Въ послѣднюю ошибку,—намѣренно или невольно,—падаетъ проф. В. А. Соколовъ, стараясь устранить указанный мною соблазнъ, могущій произойти отъ поминовенія, наряду съ православными именами, инославныхъ Карловъ, Ромуальдовъ, Генриховъ, Оттоновъ, Казиміровъ, Сигизмундовъ, Гугоновъ, Робертовъ и т. п. инославныхъ, слѣдующими соображеніями. «Развѣ не странно, наприм., будетъ для русскаго православнаго слуха церковное поминовеніе: Арчила, Лаурсаба, Таричапа, Драгутина, Бидзана, Шалвы, Уроша, Петки, Шіо, Раждена, Кетеваны и др.? А между тѣмъ все это имена православныхъ людей грузинской, сербской и болгарской церкви» («Бог. Вѣстн.», стр. 28). Разсужденіе чисто-софистическое. Я говорю о странности не словъ, какъ только непривычныхъ для православнаго слуха звуковыхъ волнъ, но о странности *именъ*, взятыхъ изъ инославныхъ святцевъ, причемъ отъ меня далека всякая мысль о спекулированіи «странными глаголы» насчетъ религіознаго невѣжества молящихся, несомнѣнно учи-

таннаго моимъ возражателемъ: въ противномъ случаѣ онъ не сталъ бы говорить о замѣнѣ однихъ странныхъ, но православныхъ именъ другими странными и *завѣдомо* неправославными. Ужъ очень низко смотритъ онъ на молящихся, предполагая, неизвѣстно почему, въ нихъ столь «темныхъ людей», которые одинаково воспримутъ своимъ не чуткимъ ухомъ дикую пестроту неслыханныхъ дотолѣ именъ. Вѣдь нужно считаться съ благочестивымъ *настроениемъ*, а не съ одною барабанной перепонкой молящихся,—кажется, это понятно безъ объясненій. Говоря о слухѣ, я разумѣлъ, именно, *православную душу*, не сплошь же темную, а временами и болѣе, чѣмъ всякій присяжный богословъ, свѣтлую; да и въ случаѣ темноты стремящуюся къ свѣту и ожидающую его отъ тѣхъ, кого Господь Самъ наименовалъ «свѣтомъ міру». Разъясняя недоумѣвающимъ насчетъ странныхъ именъ, что послѣднія принадлежатъ православнымъ, священникъ будетъ чистъ въ своей совѣсти, и, наоборотъ, собирая въ церковный диптихъ инославныхъ со всего свѣта, онъ окажется неправымъ въ глазахъ православныхъ христіанъ, или станетъ поступать по примѣру того изворотливаго іерея, который, по словамъ г. генераль-маіора («Вѣстн. Воен. Дух.», стр. 46) поминалъ иновѣрцевъ только «про себя». Какое низменное пресмыкательство и, особенно, недостойное православнаго пастыря фарисейство!!

Упрекая меня въ невѣдѣніи насчетъ проведенія «межи» въ дѣлѣ церковнаго поминовенія иновѣрцевъ, проф. В. А. Соколовъ перенесъ ее такъ далеко, что не прочь дозволить служеніе паннихидъ въ православныхъ храмахъ по Лютерѣ, Цвинли и Кальвинѣ, по Аріѣ и Несторіѣ (стр. 28). Почему же тогда не служить паннихидъ по такихъ «христіанахъ внѣ христіанской церкви», каковы, напримѣръ, языческіе философы Сократъ и Гераклитъ, которые, по словамъ св. Іустина Философа (Апол. I, гл. 46), «суть христіане, хотя бы и считались за безбожниковъ»? Почему бы не поминать за церковной молитвой эскимосовъ, эііоповъ, японцевъ, китайцевъ и подобныхъ имъ, оффиціально не принадлежащихъ къ православної Церкви, язычниковъ,—въ случаѣ, когда «иной изъ нихъ, никогда не слыхавшій о Праведномъ, пострадавшемъ въ Іудеѣ, въ дѣйствительности поклоняется существу Спасителя нашего»? (Хомяковъ, Богосл. соч. М. 1886, т. II, стр. 229). Послѣ этого моему оппоненту остается менѣе одного шага до согласія въ разсужденіяхъ съ однимъ чеховскимъ героемъ, купцомъ

Куцынымъ, по словамъ котораго, «мы, русскіе, любимъ персовъ. Хотя мы и разной вѣры, но общіе интересы, взаимныя, такъ сказать, симпатіи... прогрессъ... Азіатскіе рынки... мирныя завоеванія, такъ сказать»... (Чеховъ. Полн. собр. сочин. Спб. 1903, т. I, стр. 199), и, на приведенныхъ «основаніяхъ», паннихидствовать надъ усопшимъ огнепоклонникомъ? Почему бы, спрашивается, не поступить такъ «во имя любви христіанской», тѣмъ болѣе, что «не намъ судить о степени сознательности и вмѣняемости паденія этихъ людей и не намъ измѣрять глубины Божественнаго милосердія»? («Бог. Вѣстн.», стр. 28). Предоставляю читателямъ самимъ разсудить нашу «прю»...

III.

«Внимательно перечиталъ я всѣ каноническія правила св. апостоловъ», пишетъ проф. В. А. Соколовъ («Бог. Вѣстн.», стр. 3—4), «св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ и оказалось, что во всемъ этомъ церковномъ кодексѣ совершенно нѣтъ ни одного правила, которое запрещало бы молитву за усопшихъ, не находившихся при жизни въ общеніи съ церковью». Священникъ о. Гриневичъ, «касясь» мнѣнія митрополита Филарета о недозволительности паннихидъ въ храмѣ по иновѣрцахъ (*моя* формулировка; самъ же о. Гриневичъ, ни разу не формулировавшій ясно и точно рѣшаемаго вопроса, очевидно, не вѣдалъ, о чемъ онъ, собственно, писалъ), нашель, съ своей стороны, что оно «не опирается на ученіе Св. Писанія» («Вѣстн. Воен. Дух.», стр. 719).

Что жъ изъ этого? Произошло только то, что и должно было произойти. «Не отъ тернія бо чешуть смоквы, ни отъ купины емлютъ гроздія» (Лк. VI, 44),—вотъ, что хочется сказать по прочтеніи этихъ выдержекъ моихъ возражателей. Могутъ протечь цѣлые годы въ такого рода отчаянныхъ поискахъ, самой безцѣльностью своей заранѣе уже обреченныхъ на полную ихъ бесплодность. Свв. апостолы и отцы церкви, въ силу вышеуказанныхъ соображеній, рѣшительно не могли предполагать, что кому либо изъ членовъ католической церкви и когда-либо придется въ голову отыскивать въ ихъ правилахъ запрещенія церковнаго моленія объ усопшихъ иновѣрцахъ. Живыхъ ихъ она, Церковь, молитвенно зоветъ къ покаянію, а отшедшихъ въ тотъ міръ предоставляетъ милосердію Божию: таково «правило вѣры». Что жъ

касается св. писанія, то, даже, и завзятый протестантъ долженъ согласиться съ тѣмъ, что не справедливо требовать отъ послѣдняго всегда ясныхъ и точныхъ свидѣтельствъ въ пользу того или другого церковнаго установленія (см., напр., *Vorlesungen über Katholicismus und Protestantismus von W. I. Thiersch, Erlang., 1848, I. Abth., S. 163*), ведущаго свое начало несомнѣнно отъ Самого Христа (говорю не о специальномъ предметѣ спора, а вообще), но закрѣпленнаго преданіемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а не писаніемъ, о чемъ довольно сказано хотя бы, наприм., въ «Посланіи св. Василя Великаго о Св. Духѣ къ еп. Амфилохію». Сравнительно скромнѣе и простодушнѣе этихъ двухъ оппонентовъ разсуждаетъ генераль-маіоръ Малыхинъ: онъ ссылается на 4-ю заповѣдь Закона Божія и, во имя ея, проситъ дать ему возможность «хоть чѣмъ-нибудь (sic!!) выразить почитаніе отшедшему въ иной міръ близкому человѣку»; военному оппоненту «думается, что каноническія правила упустили или не договорили» о дозволеніи служить паннихиды по иновѣрцахъ, и что «онѣ непремѣнно даютъ какой-нибудь выводъ (?) въ этомъ отношеніи православному человѣку («Вѣстн. Воен. Дух.», стр. 44). Генераль-маіоръ простодушно ссылается на «слабости человѣка и обычаи» (стр. 45) и, такимъ образомъ, отклоняетъ отъ себя честь выступать въ положеніи непогрѣшимаго законодателя. Въ этомъ, думаю, не малое преимущество его передъ своими сотоварищами, тщетно потратившими свой трудъ надъ присканіемъ свидѣтельствъ Св. Писанія въ подтвержденіе невѣрнаго положенія.

Краснорѣчивая для аудиторіи по нравственному богословію лекція проф. В. А. Соколова о любви къ ближнимъ, въ связи съ вопросомъ о томъ: «и кто есть ближній мой»? («Богосл. Вѣстн.», стр. 1—3), не имѣетъ ровно никакого отношенія къ разсматриваемому предмету. Ссылка на исцѣленіе Спасителемъ слуги капернаумскаго сотника едва ли даетъ право заключать къ неимѣнію вѣры въ Чудотворца со стороны самого больного. Что сотникъ вѣровалъ въ Спасителя,—это несомнѣнно; но что въ Него не вѣровалъ слуга,—это проблемматично. Сомнѣваюсь и въ невѣрїи бѣсноватой дочери хананеянки, имѣя въ виду, напр., гадаринскихъ бѣсноватыхъ, которые признали въ Иисусѣ «Сына Божія» (Мѡ. VII, 29). Что касается ссылки на молитву Христа-Спасителя за Его распинателей, то она относится не къ той категорїи, о которой рѣчь: вѣдь нужно же помнить, о чемъ говоримъ, а именно: 1) о «церковной» молитвѣ, 2) за «усоп-

шихъ» (но распинатели всѣ здравствовали) 3) «иновѣрцевъ-христіанъ» (распинатели-язычники и іудей).

Ссылка о. Гриневича на то, что Господь «не гнушался молитвеннаго общенія съ невѣровавшими въ Него въ «домѣ молитвы для всѣхъ народовъ» (Мр. XI, 17), упускаетъ изъ виду *спеціальную* цѣль молитвы Иисусовой и—беспомощность цитаты для рѣшенія взятаго вопроса. Господь посѣщаль храмъ не ради только молитвы съ «невѣровавшими» (откуда вѣдаетъ объ этомъ о. Гриневичъ, и почему онъ не упоминаетъ такъ же и о «вѣровавшихъ»?) въ Него, но, главнымъ образомъ, для «ученія» слушателей, какъ и сказано объ этомъ, именно, въ цитированномъ мѣстѣ Евангелія. Уча благодарности (къ чему завелъ о ней рѣчь о. Гриневичъ?), Христось, добавимъ отъ себя возражателю, заповѣдалъ такъ же и слушать церковь: «аще же и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь» (Мѡ. XVIII, 17); это, во-первыхъ, а во-вторыхъ, какое отношеніе имѣетъ разсказъ объ исцѣленіи прокаженныхъ къ нашему предмету? Усопшій иновѣрецъ и—чувство благодарности православныхъ къ Богу, да еще за панихидой...—нѣчто прямо уму непостижимое! Пусть идетъ пастыръ, ничтоже сумняся, въ объятый печалью домъ «преставшагося» (?! «Вѣстн. Воен. Дух.», стр. 718), чтобы поплакать съ плачущими и облегчить горе ихъ іерейскою молитвою, за которую едва ли подвергнется онъ «осужденію теоретическаго критика» (тамъ же). Но, вѣдь, это дѣйствіе происходитъ *на—дому*,—какое же, повторяемъ, отношеніе имѣетъ оно къ панихидѣ въ церкви? Не правду ли я сказалъ, что о. Гриневичъ не уяснилъ себѣ самаго предмета спора, что, впрочемъ, нисколько не смущаетъ его «своей испытующей мыслью подвергнуть безошадной (просто страшно становится!) критикѣ мнѣніе митрополита Филарета» (тамъ же, стр. 719). Бѣдный владыка, которому приписываютъ не принадлежащее, такъ какъ митрополитъ лишь *истолковалъ* уже существующія правила и такую же церковную практику. Ссылка на милосердаго самарянина, не отказавшаго помочь «впадшему въ разбойники» иновѣрцу, свидѣтельствуеть только о нежеланіи одного изъ возражателей, какъ слѣдуетъ читать Евангеліе. Въ притчѣ рѣшается вопросъ собственно о томъ: «кто есть ближній мой» (Лк. X, 29), «shaber»,—безотносительно къ спеціальному, занимающему насъ, предмету, почему и милосердый самарининъ не проѣхалъ равнодушно мимо израненнаго, а оказалъ ему необходимую помощь. Ясно,

что рѣчь идетъ о *медицинскихъ перевязкахъ*, наложить которыя ничуть не замедлилъ милосердый. Но другое дѣло—*благодарный молебень въ храмъ* на горѣ Гаризимъ (2 Мак. VI, 2), въ который тотъ же самый *милосердый* самарянинъ ни за что не допустилъ бы выздоровѣвшаго пациента, по смыслу притчи, — іудея; да и послѣдній, съ своей стороны, такъ же уклонился бы отъ такой чести въ силу того, что «не прикасаются жидове самаряномъ». (Іоа. IV, 9). Спрашивается: какую же пользу извлекъ для себя возражатель изъ взятой притчи, въ соупствіи православнаго катихизиса, съ его поученіемъ о томъ, что «всѣ человѣки суть ближніе наши»? Да, ближніе, которымъ мы должны милосердствовать, *по примѣру приточнаго самарянина*, ничего не дающему въ пользу несправедливаго заключенія о томъ, что православное духовенство должно служить паннихиды въ храмахъ по усопшихъ христіанахъ—иновѣрцахъ. Коротко говоря, съ пользованіемъ взятой притчи произошло то, что въ бухгалтеріи называется перепутываніемъ счетовъ.

«При современныхъ церковныхъ отношеніяхъ», по мнѣнію проф. В. А. Соколова («Бог. Вѣстн.», стр. 13), «между христіанскими исповѣданіями, когда существовавшія между ними враждебныя чувства (опять о чувствахъ!) теперь, по милости Божіей, мало по малу сглаживаются(?) и замѣняются миролюбіемъ и взаимнымъ доброжелательствомъ(??), строгое примѣненіе прежде установленныхъ запретительныхъ правилъ едва ли можно признать умѣстнымъ». Мнѣ думается, уважаемый профессоръ смотритъ на міръ Божій сквозь розовыя очки и «нарицаетъ не сущая, яко сущая». Что говорить, много миролюбія между восточными и западными, когда—вотъ уже сколько времени—такъ настойчиво, зато же пока и такъ бесплодно, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ почившихъ и здравствующихъ церковныхъ дѣятелей хлопочуть о соединеніи старокатоликовъ съ православными, а, между тѣмъ, «возъ и понынѣ все тамъ же!» Можно ли назвать стремленіемъ къ миролюбію чисто—провокационную дѣятельность, наприм., римско-католическихъ ксендзовъ въ нашемъ западно-русскомъ краѣ, или такую же—протестантскихъ пасторовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ и армянъ въ Закавказской области? Если «да», то я рѣшительно отказываюсь понимать утѣшительныя рѣчи своего возражателя, невольно приводя себѣ при этомъ на память изреченіе пророка: „врачуяють рану дочери народа Моего, легкомысленно говоря «миръ, миръ»! а мира нѣтъ“ (Іер. VIII, 11).

Настоящая полемика ясно и точно обозначила *два течения* богословской мысли по вопросу о паннихидахъ по иновѣрцахъ, расходящіяся въ діаметрально-противоположныя стороны. Ниже-подписавшійся, очевидно, не изъ тѣхъ, о которыхъ сказано: «и, вотъ, ты для нихъ—какъ пѣвецъ съ пріятнымъ голосомъ» (Іез. XXXIII, 32). Въ яркихъ лучахъ загорѣвшихся теперь всякихъ «свободъ» мои рѣчи покажутся инымъ отсталыми, другимъ—жестокосердыми. Пусть будетъ такъ! Я хотѣлъ бы только выслушать основательный и безпристрастный приговоръ насчетъ *правильности* ихъ, а не того, какъ дѣйствуютъ онѣ на чело-вѣческія сердца, и «не заключать мира во вредъ ученію истины, уступая что-нибудь ради славы, именоваться снисходительнымъ» (св. Григ. Бог.).

Проф.-протоіерей Е. Аквилонъ.

16 марта, 1906.

2007041633